

Лайош ПАЛФАЛЬВИ

ПИСАТЕЛИ-ЭМИГРАНТЫ ИМПЕРИИ

The Emigré Writers of the Empire

**Другие берега русской литературы и культуры:
Идеи, поэтика, контексты. Коллективная монография
под ред. Эльжбеты Тышковской-Каспшак, Илоны Мотеюнайте и
Альфии Смирновой при участии Марии Гей.
Scriptum, Вроцлав – Краков 2021, 494 с. ISBN 978-83-66812-37-6**

Abstract

This volume of studies on Russian émigré literature was published during the last year before the war in a form of scholarly cooperation between Polish, Russian, Ukrainian, and Czech scholars unthinkable today. The theme of joint research makes the work even more interesting, because Poles have a very different understanding of the mission of émigré writers than Russians. In the first chapter of the monograph, entitled *The History of Emigration*, we find interesting biographical portraits of prominent figures such as Alexander Herzen and Gleb Struve. In the next part we read mainly about ideological problems and ethnic stereotypes. The third chapter focuses on the problems of poetics, and the last on heterotypes. The aspects of the analyses also touch upon the poetics of space and imagology.

Keywords: *Russian émigré literature, ethnic stereotypes, heterotypes, poetics of space, imagology*

Особое чувство держать в руках том польской литературной русистики, появившийся в последний мирный год, сборник, сравнимый с которым вряд ли можно ожидать в будущем. Данный труд становится еще более увлекательным благодаря своей теме, литературе эмиграции. Никому не удалось лучше поляков описать этот раздел истории литературы: уже романтики сформулировали этические нормы «паломников свободы». Они предписывают неуклонную солидарность с оставшимся под гнетом чужой власти отечественным социумом, а в Западной Европе представляют дело национальной независимости, если уж в Варшаве это невозможно. Они ясно сформулировали, эмигрантом может считаться лишь тот, кто покинул страну под принуждением обстоятельств, а за рубежом берется за выполнение своей миссии.

Достойным потомком Великой эмиграции стало поколение, создававшее свое жизненное творчество во второй половине XX века, в период холодной войны. Это была восставшая против империи эмиграция перифе-

рии, но какая эмиграция может быть у империи, в которой нет чужой власти, в которой русская национальная независимость не подвергается угрозе? Солидарны ли русские в свободном мире с протестующей элитой периферии или противопоставляют себя ей, сохраняя и в эмиграции имперскую идею? Авторы тома лишь затрагивают эту проблематику, не ставя ее в центр исследования. Сегодняшнего же читателя опыт войны, направленной на уничтожение украинской государственности, заставляет искать ответ и на этот вопрос.

Как выясняется из предисловия, литература русской эмиграции имеет давнюю историю исследования, ее общие сведения уже систематизированы, была произведена ее периодизация, и в этой общей картине не следует ожидать серьезных изменений. «Сегодня больше изучаются конкретные биографии, периодические издания, отдельные исторические сюжеты и литературные факты». Авторы данной монографии, поляки, русские, украинцы и чехи, рассматривают литературу русской эмиграции от XIX века до наших дней. Первая глава, «История эмиграции», начинается крайне интересным как с русской, так и с польской точки зрения обзором творческого пути Герцена в статье Ирины Беляевой. Судьба эмиграции Герцена и его деятельность во многом напоминает читателю миссию и роль его польских современников. Беляева обращает внимание читателя на то, что Герцен описывает зимнюю Россию очень похоже на образ, который появляется в стихотворении Мицкевича в приложении к поэме «Дзяды» «Дорога в Россию», исследовательница ссылается на описание и находит его очень точным.

Удивительно, насколько может отождествляться русский писатель с польским романтическим мифом, согласно которому тирания идет с севера, а не с востока. Дороги, ведущие к имперскому центру бесконечными, засыпанными снегом полями, изображают бесчеловечный порядок империи. Другим вопросом является появление у Мицкевича русских масс, напоминающих доисторических древних существ, которых этот тиранический порядок заморозил в состоянии преэзистенции, и, таким образом, они не могут стать частью европейского сообщества. Русские являются скорее частью природного мира, их не затронула цивилизация. Однако из других произведений Герцена мы узнаем, что русский мыслитель видел будущее именно в этом народе, представляя утопию, никогда не достижимую для гибнущего Запада, к которому относил между тем и достойную уважения Польшу, то есть Герцен, в противоположность Мицкевичу все же не являлся противником имперской идеи, скорее стремился к радикальным реформам.

В этой же главе читателю представлен крайне интересный биографический портрет достигающей в эмиграции вершин своего творчества художницы Зинаиды Серебряковой (Изабеллы Малей), а также принадлежащего к старшему поколению второй волны эмиграции Родиона Акуль-

шина-Березова, в случае которого Майя Бабичева ставит под сомнение обе категории – советский или антисоветский и торжественно (с восклицательным знаком) называет его русским. Очень интересно и то, сквозь какие превратности ей с двадцатью пятью тысячами своих соотечественников приходится пройти в Америке после войны, не хватает в том и некоторой сбалансированной оценки советского и американского противостояния периода холодной войны.

Ведь Акульшина летом 1941-го года, вслед за немецким нападением призывают в ряды Красной армии. Он попадает в немецкий плен, затем сотрудничает с оккупантами, работая в отделе пропаганды Русской освободительной армии, где очевидно, ему пригодились приобретенные в Советском Союзе писательские навыки. Для меня, может быть даже больше описания красот русской деревни, представляло бы интерес повествование о прожитом им периоде и его мыслях о целях и смысле русского сотрудничества с оккупантами. Существовала ли в Восточной Европе после нападения Гитлера спонтанная антикоммунистическая революция, нашли ли общий язык в этой теме русские с подчиненными нациями? Об этом читатель ничего не узнает. В качестве источника остается литература польской эмиграции, прежде всего романы Юзефа Мацкевича, так как русская литература не смогла представить этот период в своих произведениях, и даже свидетель эпохи сбежал в сказочный мир русской деревни.

К сожалению, я могу рассмотреть лишь несколько статей этого очень богатого материала. В полном обзоре, систематизации литературы русской эмиграции определяющую роль играл синтез Глеба Струве под названием «Русская литература в изгнании», его место в истории науки обозначила Альфия Смирнова. Во второй главе под названием «Идеи и полемики эмиграции» затрагиваются самые различные проблемы и любопытные факты истории мысли, такие вопросы как культурно-семиотическая направленность, наблюдающаяся в научных взглядах Романа Якобсона (Анастасия Черепанова), парадоксальные мысли о советском человеке Владимира Буковского (Урсула Черняк), «Мотив гибели Руси в публицистике Ивана Бунина» (Лариса Шелокова), антропософские идеи Михаила Чехова или образ польского эмигранта в романе Эдуарда Лимонова «Палач» (Владимир Самсонов).

Выберем последнее. Заголовок «Палач» напоминает своим звучанием слово поляк. Главный герой романа – поляк-эмигрант Оскар, в судьбе которого, однако, обнаруживаются и элементы биографии Лимонова. Помимо этого, мы можем рассматривать образ героя также и как этнический стереотип, сравнивая с представленными классиками русской литературы образом поляка Оскар – мужчина, продающий свое тело, предоставляющий сексуальные услуги садистского характера, его мир напоминает художественный мир написанного автором ранее (1979) романа «Это я – Эдичка». Владимир Самсонов в своем анализе произведения весьма убе-

дительно обосновывает, что: «Лимонов нивелировал популярное в научных работах о русско-польских отношениях стереотипное мнение о дихотомии «цивилизация – варварство», в котором варварство приписывается русским, а цивилизация – полякам». Таким образом стираются различия между наследниками империи и ее жертвами, последних также удалось опустить до уровня варваров. Вряд ли является случайностью, что это задание выполняет один из самых ретивых выдающихся empire saver.

Третья глава, «Поэтика литературы зарубежья», является, если это вообще возможно, еще более разнообразной. Она включает в себя статью Нины Осиповой, которая рассматривает поэтику музыкальных форм в лирике русской эмиграции. Другие исследователи анализируют творчество хорошо известных авторов с новой точки зрения: Анна Латухина рассматривает исповедальные мотивы в эмигрантской лирике Ивана Бунина. А Елена Янчук выделяет в произведениях Марины Цветаевой мотив земли. Анна Скотницка и в этот раз выбрала для изучения Михаила Шишкина, о творчестве которого краковские русисты издали объемистый сборник по материалам конференции в 2017-м году. В этот раз она анализирует роман «Венерин волос», в котором у Шишкина заново осмысливается мотив Тристана и Изольды через повествование главного героя, которого зовут Переводчиком, о своем браке.

Темой двух работ становится Сергей Довлатов. Ольга Крюкова рассматривает языковые средства иронии в романе «Заповедник», но исходит из того, что главный герой имеет два прототипа, одним из которых является сам автор, а вторым – Иосиф Бродский, который в «Заповеднике» пробует получить должность библиотекаря. Ирония для него является намного большим, чем просто важным средством самовыражения, при помощи иронии он защищает свою личность от распада, благодаря иронии он способен переносить бедность, крах своего брака и отсутствие литературных успехов. В месте литературной памяти будущий писатель пытается заработать на жизнь тем, что в свое рабочее время занимается продвижением культа Пушкина. Как бы ни был этот мир неестественен и манерен, проза, пронизанная пушкинскими мотивами и цитатами, способна воскресить мертвые клише.

Эльжбета Тышковска–Каспшак также рассматривает в своей работе литературный культ. Марианна Волкова и Сергей Довлатов в своем сборнике «Не только Бродский» (1988) представляют портреты с фотографиями выдающихся, по большей части проживающих в эмиграции, представителей русской культуры, дополненные анекдотами Довлатова о них. Броцлавский русист, опираясь на международную литературу по художественной фотографии, обосновывает свои размышления, в которых она фокусируется на отношениях портрета и текста, и теоретически определяет, что: «волковские портреты мифологизируют изображаемых людей, а довлатовские истории, наоборот, демифологизируют их». С такой же

теоретической взискательностью рассматривает она и жанр анекдота, исходя из того, что данный жанр не относится к юмористической области. Фигура Довлатова особенно подходит для составления насыщенного и запоминающегося портрета. Кроме того, анекдот крайне важен для Довлатова, ведь он сам издал два сборника анекдотов, но, кроме этого, и в других его произведениях часто встречаются такие отрывки.

В последней главе под названием «Гетеротипы в литературе эмиграции» читатели знакомятся с литературным изображением различных мест, а критерии анализа соприкасаются с поэтикой пространства и имагинологией. Иоанна Новаковска-Оздоба представляет Иерусалим эмигрантов в романе Дины Рубиной, а Александр Распопов представляет нью-йоркский текст русской литературы на основе романа Александра Стеснина. Тут же можно прочитать работы об образе родного города (Антони Бортовски) и об идее дома (Илона Мотеюнайте).

Lajos PÁLFALVI
Department of Polish Studies
Institute of Central Europe
Faculty of Humanities and Social Sciences
Pázmány Péter Catholic University
Budapest, Hungary
Institute for Slavic Studies
University of Debrecen
Debrecen, Hungary
idegen-toll@t-online.hu
ORCID 0000-0002-2091-9845

